

# Проблемы и задачи российской литургики

(Предварительные замечания)

Ю. И. Рубан, канд. ист. наук

Известный летописный рассказ о направлении Киевским князем Владимиром Святым в страны Востока и Запада особого посольства с целью «испытания вер» и выбора «лучшей» из них носит ярко выраженный литургико-эстетический характер. В храме святой Софии Константинопольской русских «поставили на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую... и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу». Вернувшись домой, они заявили, что «не знали», где совершалась эта служба — «на небе или на земле, — ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой...»<sup>1</sup>.

Не обладавшие богословским образованием послы говорили не о догматах и вероучении, а о красоте богослужения. Так благолепие богослужения Великой Церкви (как называли византийцы храм Святой Софии) определило «выбор веры», и Русь вошла в регион христианских стран византийской литургической традиции<sup>2</sup>.

«Возможно, это красивая легенда, но то, что люди думают о действительности, говорит нам о них больше, нежели сама действительность», — справедливо замечает современный литургист. — «...Никакая другая Церковь, ни Восточная, ни Западная, не может сравниться с Русской Православной Церковью в том, какое значение в ней придается богослужению»<sup>3</sup>. Рассказывают, что на вопрос одного западного гостя — кратко охарактеризовать Русскую Православную Церковь — покойный патриарх Московский и всея Руси Алексий I ответил одной лишь фразой: «Это Церковь, которая совершает Божественную Литургию»<sup>4</sup>.

Учитывая этот изначальный литургический характер русской церковности, следовало бы ожидать особого внимания к литургическим изысканиям, позволяющим перевести безотчетные переживания и восторги на степень рационального знания и сознательного восприятия нашей богатейшей литургической традиции. В условиях, когда в России Православие было государственной религией, следовало бы ожидать, по выражению Николая Никаноровича Глубоковского, «пышного развития» в нашей стране литургики. «Фактически же, — продолжает он, — было в России совсем наоборот»<sup>5</sup>. Подтверждением этого на первый взгляд парадоксального утверждения являются свидетельства людей, которых вряд ли можно заподозрить в предвзятом отношении к православному богословию вообще и православной литургии в частности.

Из недавно опубликованной работы известного русского литургиста Бориса Ивановича Сове «История литургической науки в России» мы узнаем, что «в Московской Руси изучение богослужения ограничивалось компиляциями толкований греческих литургистов-экзегетов и практическими проблемами, касающимися деталей и казуистических случаев богослужебного Типикона...»<sup>6</sup>. Первое русское руководство по литургии появилось лишь в конце XVIII в.<sup>7</sup>, причем, Русской Церкви понадобилось почти полвека (46 лет), чтобы исполнить повеление императрицы Елизаветы Петровны и Святейшего Синода. Эта печальная история составления элементарного литургического руководства, «инициатива <создания которого> исходила от церковной и светской власти, показала беспомощность и убожество литургического базиса у русского духовенства, даже у ученого монашества, и, что особенно печально, сужение интереса к литургии. Богослужение было чуждо русской богословской школе...»<sup>8</sup>.

Переходя к истории литургики в нашей духовной школе, Б. И. Сове констатирует столь же печальную ситуацию: «В духовной латинской школе XVIII в. не было места преподаванию литургики даже в самом скромном объеме. Уставу обучались практически»<sup>9</sup>. На рубеже XVIII и XIX веков в состав российских Духовных школ начинает вводиться устав, а затем и литургика, но ситуация мало меняется. «В первую половину XIX в. в духовно-учебных заведениях, академиях и семинариях литургики

<sup>1</sup> «Повесть временных лет», год 6495/987, — перевод Д. С. Лихачева.

<sup>2</sup> Рубан Ю. И. Как молились в Древней Руси? // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. (Тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 26–28 января 1995 г.) М.: РГГУ, 1995. С. 483–494.

<sup>3</sup> Тафт Р. Русская Литургия: зеркало русской души. // Страницы. Журнал Библейско-Богословского ин-та св. ап. Андрея. М., 1997. №2, 4. С. 574.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Изд-во Св.-Владимирского братства. 1992. С. 100.

<sup>6</sup> Ученые Записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 2. М., 1996. С. 46.

<sup>7</sup> Гавриил (Петров), митр. О служениях и чинопоследованиях Православной Греко-Российской Церкви. СПб., 1892.

<sup>8</sup> Сове Б. И. История литургической науки в России. // Ученые Записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 2. М., 1996. С. 78.

<sup>9</sup> Там же. С. 88.

влачила жалкое существование. Она как наука не существовала»<sup>10</sup>. Этот суровый вывод подтверждает свидетель — проф. МДА Алексей Петрович Лебедев. «Между всеми богословскими науками до самого последнего времени самую заброшенную наукою, самая несчастною падчерницею были археология и литургика»<sup>11</sup>.

Ситуация в области отечественной литургики стала существенно меняться во второй половине XIX в., особенно с принятием нового академического устава 1869 г., а один из замечательной плеяды ученых того времени, проф. Иван Дмитриевич Мансветов, явился, — по определению Н. Н. Глубоковского, — принципиальным реформатором литургики и стал фактическим основоположником ее научного бытия. Он прочно аргументировал, что в литургических разысканиях надо восходить к первоначальному зерну, из которого постепенно развивалась вся дальнейшая богослужebная система»<sup>12</sup>. Тем не менее, в 1898 г. проф. Александр Иванович Алмазов относил церковную археологию и литургику к наукам «в высшей степени мало разработанным»; а великий А. А. Дмитриевский, «лучший и наиболее компетентный в России литургист, заслуженно снискавший имя «Русского Гоара»<sup>13</sup>, просто называл российскую литургику «бедной»<sup>14</sup>. И это — окончательная характеристика той ситуации, в которой находилась наша старая академическая литургика.

«Объясняется это печальное обстоятельство тем, — справедливо замечает Н. Н. Глубоковский, — что обе эти специальности [литургика и церковная археология. — Ю. Р.] долго считались практически прикладными, служащими к назидательному истолкованию церковно-богослужebного обряда». Сам же обряд «принимался и рассматривался в законченной форме некоторой неподвижной окаменелости и в этом виде как бы догматизировался, поскольку своей древностью необходимо возводился к апостольскому первоисточнику во всех своих главных элементах. Исторический генезис или совершенно отрицался, или едва допускался для случайных иллюстраций к тому, что застыло в стереотипной неприкосновенности... В результате и литургика, и церковная археология оказывались совсем мертвыми и лишались всякой жизненности для собственного возрастания... Такое положение было неизбежно по самой постановке...»<sup>15</sup>.

Эта роковая «неизбежность», в свою очередь, вытекает из еще более общих закономерностей. Историк хорошо известно, что культурно-политическая ситуация дореволюционной России на самом деле бесконечно далека от той ностальгически-лубочной идеализации, с которой мы часто встречаемся в последнее время. Разрыв между неумолимыми требованиями быстро развивающейся жизни и неспособностью (или нежеланием) всеобъемлющих реформ и привел в конечном итоге к той страшной катастрофе, последствия которой вряд ли когда-либо будут изжиты до конца. Данная ситуация накладывала свой отпечаток буквально на все стороны жизни, в том числе и на науку.

Дело в том, что в т. н. традиционных обществах (где Церковь не отделена от государства и христианство поэтому является официальной идеологией) источниковедческий анализ и критика традиционных письменных памятников с точки зрения их подлинности и исторической достоверности зачастую воспринимаются как покушение на метафизическую и бездоказательную в научном отношении догму и даже — «государственные устои». Особенно характерно положение исторической литургики — науки, разрабатывающей источники по истории богослужebных древностей и христианского календаря. По своим принципам это — источниковедческая, объективная и безжалостная по отношению к популярным церковным легендам и традициям наука, и в этом причина тех невероятных трудностей и унижений, о которых с горечью свидетельствуют сами ее представители.

Как отмечал в своих неопубликованных лекциях, посвященных изучению древних славяно-русских литургических рукописей, покойный проф. Никита Александрович Мещерский, «в дореволюционной России научное изучение литургических текстов было заторможено благодаря запретительному вмешательству духовной цензуры и духовного начальства. Характерна история научного издания Остромирова Евангелия, которое, будучи подготовлено Александром Христофоровичем Востоковым к изданию, десятки лет не могло увидеть свет, потому что цензура считала его «еретическим». Так же была испорчена работа протоиерея А. В. Горского, готовившего публикацию «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, — по требованию цензуры он должен был изменить язык публикуемого памятника, приноравливая его к нормам церковно-славянского языка, которые тогда были приняты. Только в наши дни можно подойти к изучению этого материала, не будучи

<sup>10</sup> Там же. С. 89.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука... С. 102.

<sup>13</sup> Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука... С. 103. См.: Сове Б. И. Русский Гоар и его школа. // Богословские Труды. М., 1968. Сб. 4. С. 39–84.

<sup>14</sup> Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука... С. 101.

<sup>15</sup> Там же.

стесненными конфессиональными рамками»<sup>16</sup>.

К сожалению, время накладывает отпечаток даже на лучших людей, заставляя их — осознанно или невольно — прибегать к использованию «двойного стандарта». В этом отношении характерна позиция митр. Московского Филарета (Дроздова). С одной стороны, в полемической статье «Беседа к глаголемому старообрядцу о пятипросфории и седмипросфории»<sup>17</sup> он обращается к литургическим источникам — древним рукописным Служебникам, свидетельствующим о широком плюрализме в отношении количества служебных просфор — от одной и до семи. Это позволяет ему сделать обоснованный вывод о неправомерности догматизации «седмипросфория» — практики вообще поздней (XVI в.) и исторически условной. Здесь он выступает как беспристрастный источниковед.

Совсем иная логика обнаруживается в его «Замечаниях» на интереснейшее письмо архим. Антонина (Капустина), указывавшего на существенные различия в богослужбной практике греков и русских и предлагавшего широкое знакомство с этими отличительными особенностями для своего рода «обмена опытом». «Распространение сведений о литургии восемнадцати веков в народе неудобно и может вести более к брожению умов и к сомнениям, нежели к единству, — выговаривает ему митр. Филарет. — ...Распространение мысли об изменяемости формы богослужения поведет ли к добру в веке, который стремится к своеволию действий и произволу распоряжений? Для чего требуется (цитирует он архим. Антонина): "признать разные формы богослужения правильными, поскольку они не касаются догмата"? Без нужды для чего провозглашать, что римская Литургия хороша, армянская хороша?»<sup>18</sup>. Комментарии излишни. Может ли быть «нехорошей» какая-либо Евхаристия — Таинство Тела и Крови Господней — та же самая в Москве, Риме, Ереване и любой палестинской деревушке?! Здесь почтенный иерарх выступает в роли «государственного человека» — охранителя устоев своего консервативного времени.

В таких условиях замечательные церковные ученые прот. Александр Горский и Капитон Невоструев, создавшие бессмертное «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» вынуждены были лавировать, стараясь быть исторически беспристрастными и в то же время делать такие нелепые оговорки, рассчитанные на духовную цензуру, за которые их можно только пожалеть. Так, описывая знаменитую рукопись «Служебника митр. Киприана», кон. XIV – нач. XV в. (ныне ГИМ, Синод. №601/344), лежащий в основе древнерусских Служебников «новой редакции» (а потому как бы «нормативный»!), они утверждают, что этот «Служебник имеет вид нынешнего печатного Служебника (то есть Служебника Синодального периода, XIX в.! — Ю. Р.). Отступает от него редко»<sup>19</sup>. Достаточно беглого просмотра рукописи рубежа XIV–XV веков, чтобы убедиться в обратном. Просфор на Проскомидии насчитывают пять, а их на самом деле указано четыре! Это ясно из текста<sup>20</sup>. Я изучал этот Служебник.

К 20-м годам XX в. лучшие русские литургисты по уровню источниковедческой подготовки не уступали западным и многое успели сделать, особенно в области изучения славяно-русских богослужбных текстов. Тем не менее, в целом, как показывают вышеприведенные характеристики, ситуация изменилась мало. В замечательных (к сожалению, кратких!) воспоминаниях о своем учителе Алексее Афанасьевиче Дмитриевском покойный профессор СПбДА Н. Д. Успенский хорошо пишет об отношении к литургии «среднестатистического» церковнослужителя, выходца из священнической среды, каким он сам являлся. «Как в духовной семинарии, где я получил среднее богословское образование, так и в Петроградском Богословском институте среди учащихся существовало мнение, что литургия — предмет «церковно-практический», что о нем уже сказано последнее слово науки, и требуется только твердое, почти наизусть, знание порядка совершения богослужения, состава его псалмов, молитв, песнопений»<sup>21</sup>.

Так думал он, молодой выпускник института, осенью 1923 г. при выборе темы кандидатского сочинения, когда произошла его «случайная» — на самом деле провиденциальная! — встреча с будущим учителем. Задержавшись в аудитории Высших Богословских курсов (Петроградский Богословский институт уже был закрыт), он стал невольным слушателем лекции по литургии. Алексей Афанасьевич «излагал историю Вечерни Великой пятницы с ее обрядом выноса Плащаницы. Я знал хорошо эту службу и по учебникам литургии, и практически, и мне в голову не приходило, что между

<sup>16</sup> *Мещерский Н. А.* Изучение древних славяно-русских литургических рукописей. Спецкурс. Лекция 1. Л., 1977. Машинопись. С. 5.

<sup>17</sup> Христианское Чтение. 1836. Ч. 4. С. 89–110.

<sup>18</sup> Собрание мнений и отзывов Филарета, митр. Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1886. Т. IV. С. 398.

<sup>19</sup> Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Ч. 3. Книги богослужбные. М., 1869. С. 13.

<sup>20</sup> За это их справедливо критиковал несколько позднее И. Д. Мансветов, уже пользовавшийся определенной академической свободой. «Находить тут пятипросфорие можно только с большою натяжкой в пользу теперешнего чина» (*Мансветов И.* Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882. С. 28).

<sup>21</sup> *Успенский Н. Д.* Из личных воспоминаний об А. А. Дмитриевском. // Богословские Труды. М., 1968. Сб. 4. С. 85.

Типиконом и общепринятой практикой совершения этой службы так много несоответствия и недоговоренности»<sup>22</sup>. Встреча определила судьбу будущего литургиста: вскоре он решил писать работу по литургии и пришел к «Русскому Гоару» с просьбой дать ему тему будущего сочинения. Многоопытный А. А. Дмитриевский от конкретного разговора уклонился, вручив Николаю Дмитриевичу две свои книги — «Путешествие по Востоку и его научные результаты...» и «Древнейшие патриаршие Типиконы...» — с тем, чтобы тот их сначала «проштудировал» и лишь после этого продолжил разговор. Он знал, что делал, потому что вернувшийся через три недели Н. Успенский просто не знал, что же он может сказать по поводу содержания этих известных в настоящее время каждому литургисту книг. «Более того, — признается он, — они как-то смутили меня и даже насторожили, потому что иногда сказанное в них шло вразрез с моими религиозными представлениями, которые для меня казались ортодоксальными. Меня смущало сообщение Алексея Афанасьевича в его «Путешествии» об открытых им «Правилах» прп. Саввы Освященного. Я привык думать и меня тому учили, что наш Церковный устав ведет свое начало от самих Апостолов и лишь был записан прп. Саввой. «Правила» же прп. Саввы, записанные им собственноручно и опубликованные Алексеем Афанасьевичем, ни размером, ни содержанием не были похожи на наш Типикон... Не меньше смутила меня и книга «Древнейшие патриаршие Типиконы...» Я знал, что Русь приняла крещение от константинопольских греков, следовательно, и их богослужение, но богослужение Великой (Константинопольской) церкви, которое так подробно излагал Алексей Афанасьевич в «Древнейших патриарших Типиконах...», оказалось совершенно отличным от нашего. Я задавал себе вопрос: как это могло получиться? И какой же из этих двух типиконов древнейший в том смысле, что его можно было бы назвать ведущим свое начало от Апостолов?»<sup>23</sup>.

Признание замечательное, поскольку свидетельствует о том, что блестящие результаты нашей Высшей литургической школы не были востребованы Богословской средней школой, выпускники которой формировали отношение к исторической литургии в церковном народе. Практически неизменным это отношение остается и по сей день. Еще в начале уходящего века А. А. Дмитриевский в рецензии на «синтетическую» книгу «неофита в литургии» прот. М. И. Орлова, поставившего для себя «грандиозную и совершенно непосильную задачу» — дать «первое критическое издание» чина Литургии Василия Великого, не только оценил состояние нашей литургии, но и кратко наметил программу действий «Полученные о. Орловым выводы, хотя и не привносят в науку ничего нового, но они лишней раз подтверждают, что литургическая наука нуждается еще пока в чернорабочих руках, в тружениках, посвящающих себя открытию и изданию в свет литургических памятников, а белая, домашняя, критическая работа здесь — дело еще отдаленного будущего»<sup>24</sup>.

Прошло девять десятилетий, но актуальность этих слов стала еще более очевидной, потому что «распалась связь времен» и ученых-литургистов у нас пока не готовят. Опыт последних лет убедил нас в том, что внешняя свобода научного творчества сама по себе мало что значит: нужны профессионально подготовленные и вместе с тем широко образованные люди, свободные от политических, национальных и конфессиональных предрассудков и способные к кропотливой и усидчивой работе. Нам следует не только достичь уровня старой школы, но и освоить огромное наследие, накопленное за уходящее столетие мировой литургической наукой. Только тогда можно будет говорить о действительном возрождении национальной литургии.

В заключение, опираясь на опыт наших прежних литургистов, позволю себе сформулировать некоторые положения научно-методологического и учебно-практического характера.

1. Литургия — наука источниковедческая (апостериорная), а не догматическая (априорная). Она опирается на добытые критическим путем данные исторических источников, постоянно пополняющиеся и заставляющие пересматривать и даже отвергать многие устоявшиеся теории и представления.

2. Литургия в собственном смысле слова (историческая литургия), изучающая происхождение и трансформацию богослужения в его историко-генетическом развитии, не только формально, по названию, но и по существу должна быть отделена от церковного устава, — практической дисциплины, дающей внеисторический, горизонтальный срез наличной (скорее — идеальной) богослужебной жизни.

3. Церковный устав может преподавать добросовестный уставщик-практик, литургику — только ученый археограф, имеющий профессиональную подготовку в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, работающий с оригинальными текстами (в первую очередь — рукописными) и публикующий результаты своих исследований, вносящих нечто новое в

<sup>22</sup> Там же.

<sup>23</sup> Там же. С. 86.

<sup>24</sup> *Дмитриевский А. А.* Отзыв о сочинении М. И. Орлова «Литургия Святого Василия Великого... Первое критическое издание. СПб., 1909». // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорской Академией Наук. IV. Отчеты за 1909 год. СПб., 1912. С. 304.

литургическую науку.

4. Несоблюдение последнего условия превращает литургику в глазах студентов духовных школ в скучную дисциплину, не имеющую никакого отношения к «реальной» (особенно — приходской!) жизни, а читающего по чужим конспектам преподавателя — в трагикомическую номенклатурную фигуру, занимающую свое место в силу отнюдь не научных заслуг и навсегда отбивающую у учеников вкус к этой благородной науке. В прошлом подобная ситуация хорошо объяснялась ссылками на «внешние обстоятельства», но теперь не имеет оправдания, являясь просто оскорбительной к памяти наших великих литургистов. Мы должны называть вещи своими именами. Без решительных реформ в этой области попытки возрождения и развития нашей научной богословской школы заранее обречены на неудачу.